

Р 34812.

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

СТѢЖКИ-ДОРОЖКИ

Стихи

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ

Стихи

1945

Советский Писатель

Присказка

Надо говорить о том, что будет.
За догадку люди не осудят,
А поспорят — тоже не беда,
Спорят вечно, верят — иногда.
Хочешь — верь, а хочешь — спорь со мною:
Будет жизнь твоя совсем иною,
Не такой, как ты задумал сам,
Время проверяя по часам.
У иных часы с походки сбились
У иных они остановились,
У иных обратный дали ход,
У иных торопятся вперед.
Если ж ты собою время мерил,
Не часам, а стуку сердца верил,
Не в гостях, в бою бывал хорош,
Значит, лет до сотни проживешь;
Значит, все, что было, не уплыло,
Лишь виски немного опалило,
Темною водой не утекло,
Солнцем бьет в оконное стекло;

Значит, счастье будет не такое,
Как цветок в безоблачном покое,
Не привал в дороге — тишь да гладь,
Надо с ним лететь, а не стоять.
Ты его найдешь, а не получишь,
Знать друзей и знать врагов научишь.
И об этом сказку сочинят
Или песню сложат.
Так-то, брат.

1949

Апрель

(Три стихотворения)

1

Снег ушел. Апрель стоит в лощине,
Ко стволу березы прислонясь.
В заводни глубокой, в черной тине,
Сонный просыпается карась.

Он плывет вдоль отмели покатою.
Как луна, горбат и молчалив,
Над спиной его зеленоватою
Искрится и теплится разлив.

Он плывет, мерцая в темных струях,
В дальние владения свои,
Серебром и золотом чешуек
Озаряя реки и ручьи.

А когда румяный вечер тает
И туман ложится на разлив,
Он из леса в небо выплывает,
Как луна, горбат и молчалив.

В том лесу, где раньше иней
 На ветвях при свете звезд
 Разворачивал павлиний
 Колыхающийся хвост, —
 Шла весна в цветной косынке
 В край, где спят снега и льды,
 На пути ее кувшинки
 Возникали из воды.
 Красной шишечкой еловой
 Был ее отмечен путь,
 Глаз подснежника лиловый
 На нее хотел взглянуть.
 Зашуметь листвою готовясь,
 На разливе, по лугам,
 Затонувшие по пояс,
 Шли деревья к берегам.
 Всё светилось, окуналось
 В ясный солнечный поток,
 Расцветая, размещалось
 Вдоль тропинок и дорог.
 И вдогон последней льдине
 Треугольник журавлей,
 Рассекая воздух синий,
 Плаыл дорогою своей.

Вновь поговорку: «весна-красна»
 Пробует грач кричать.
 Дятлу дупло отдала сосна
 (Сердце должно стучать).
 Черную ветку рукою тронь,
 На чудеса дивись:
 Лопнула почка, а в ней огонь —
 Прянула зелень ввысь.
 Золото в жилах берез течет.
 Не оттого ль горят,
 Светят сережки, где снег и лед.
 Сгинули час назад?
 Синим сияньем пронизан лес,
 Врезана хвоя в синь.
 Как он возник, этот свет и блеск.
 Утренняя теплынь?
 Может, я выдумал это сам?
 Может, все сказка, сон?
 Нет, я поверил своим глазам,
 Понял простой закон:
 Если не знать, как пустыни дни
 Горя, разлук, смертей,
 Ты не поймешь, что весны огни —
 Жизнью горят твоей.

Одна любовь

(Шесть стихотворений)

1

Ты — моя ненаглядная.
Ты — удивленье.
Для тебя мне досадно
Искать украшенья.

Ты — мое хорошо.

Горький ветер, полынь расставаний
Неожиданно входят в жизнь.
Ты — мое исполненье желаний.
Дай мне руку и крепче держись.

Я твои целовал ресницы,
Чтобы глянуло детство из глаз,
Чтоб сумели тебе присниться
Те, что любят и помнят нас.

Лизанька — это другое дело.
Это ромашка, тропинка во ржи...
Тронь меня, Лиза, рукой загорелой,
Сердце свое на ладонь положи...

Пусть засверкает оно, золотое,
В солнечном свете июньского дня,
Не помышлявшее о покое,
Настежь раскрытое для меня...

4

Да, я хотел, чтоб без записки,
С глазами, мокрыми от слез,
Ты вспоминала все тропинки,
Где нам встречаться довелось;

Все радости и все печали,
Всю путаницу слов и снов,
Все звезды, что впотьмах журчали
Сквозь ветви кленов и дубов;

Весь берег, где на гальке белой
Дремало солнце по утрам,
А море таяло и пело
И ноги обнимало нам.

Да, я хочу, чтоб между нами
Стоял лишь воздух голубой,
Чтоб жизнь моя, любовь и память
Сквозь годы двигались с тобой.

5

Не разлучаемся, бывало; —
Расстаться на день тяжело.
Теперь — не много и не мало —
Три года без тебя прошло.

И как прошло! Нельзя взглядеться
В твои черты сквозь прах и пыль.
Ты снишься мне, как снится детство,
Как недосказанная быль.

Любви и верности начало, —
Его и сны не возвратят...
Но на войне привычкой стало
Смотреть вперед, а не назад.

Чем дальше дата расставанья,
Тем ближе возвращенья срок.
Грядущей жизни очертанья
Виднее с фронтовых дорог.

Он длится, календарь разлуки,
И, кажется, конца в нем нет,
Но ты протягиваешь руки
Оттуда, где победы свет...

6

Трудно будет, милая, со мной.
Не стоял я к пламени спиной,
В сердце вгрызались коготь и зола,
Ненависть душой моей была.
Как, скажи, тебя развеселю,
Как с тобою радость разделю,
Если не пойму, не знаю сам,
Что я за любовь твою отдам?
Милая сказала мне в ответ:
«Трудно с тем, о ком печали нет.
О тебе я плакала не раз,
А слезам не надобно прикрас;
Вот и снова брызнули легко,
Потому что счастье велико.
Сядь со мною, дай шинель сниму,
Крепко, как бывало, обниму.

Под ночным солнцем

Оглядка

Вонзилось в память, как заноза:
Есть под Москвой одна береза
Необъяснимой красоты,
Глядит на Истру с высоты.
Она стоит, как утвержденье,
Что жизни моя не наважденье,
Не грохот мрака и огня
В ночных лесах за Кандалакшей,
Где топчет торф и снег размякший
Войны чугунная ступня,
А неотступная защита
Тебя, чье имя не забыто,
Полей, где детство сказкой стало,
Где юность счастье разыскала,
Но не успела рассмотреть
Людей, которые мне дали
Любовь, чтоб видеть эти дали,
За что не страшно умереть.

1942

Счастье

Жар-птицей ручной,
Прохладой речной,
Тропинкой,
Где встретились двое,
Казалось мне счастье,
Но вижу теперь,
И ты, что со мною в разлуке,
Поверь, —
Счастье
Совсем не такое.

Оно не цветок,
А из фляги глоток,
Воздух махорочный едкий;
Землянка,
Где снова собрались в кружок
Друзья
После трудной разведки.

Оно не цветок,
А взведенный курок.

Рука и глаза наготове,
Ветер атаки,
Удар на бегу,
След наших лыж
На январском снегу,
Ржавом
От вражеской крови.

1943

Северный бастион

1

На шхуне с полуострова Рыбачьего,
Старинною дорогою морской,
Мы в Мурманск шли.

Норд-ост, свистя, раскачивал
Суденышко, пропахшее треской.
Швырясь пеной, резвая, соленая
Окачивала палубу волна,
И ей на смену новая, зеленая
Вздымалась, тяжела и холодна.
Виднелось побережье с борта правого,
Охлестанная штормами гряда,
Зубчатая, в отеках камня ржавого,
Красива, неприступна и горда.
То с облаком, то с чайками беседея
Горбуни-скалы в черных башлыках,
Как в хороводе, шли, за нами следуя,
И пятились, и прятались в волнах.
И снова в днище прочное смоленое

Стучали волны,
брызгами мельчась.
А в белом небе севера
бессонное,
Ночное солнце
проводил нас.

2

Морские мхи
ползли на камни, греясь,
Желтели стебли низкорослых трав...
«Здесь розы не цветут, —
сказал гвардеец,
Рукой на побережье показав. —
Не на просторе встретиться с врагами
Военная судьба судила нам.
Над кручами плескалось наше знамя,
Где облака ползут по валунам.
Был час рассвета.
Воздух разрывая,
Быстры, продолговаты, как ножи,
Мелькнули «мессершмитты», завывая,
Пикируя на наши рубежи.
Зенитная пошла скороговорка,
Пошли хлестать осколки по броне,
И на откосе ближнего пригорка

Крыло с крестом скорёжилось в огне.
Еще кружился в небе дым и пепел,
Когда мы различили меж кустов
Идущие на нас густые цепи
Тирольских горно-егерских полков.
Мы встретили их...

Разное бывало,
Но этот бой нельзя забыть никак.
За часом час долину заливало
Крутым соленым кипятком атак.
Два дня в ущельях клочкотало пламя —
Железа и огня водоворот.
Но врезался,

вошел навеки в память
Один обыкновенный эпизод...
Бойцу осколком руку оторвало,
И он упал. А метрах в тридцати,
В сухой траве, на гребне перевала
Пытался немец раненый ползти.
Он, увидав бойца, швырнул гранату —
Огнем спалило листья на кустах,
Но медленно к фашистскому солдату
Боец пополз, сжимая нож в зубах.
У рокового, смертного предела
Две воли в поединке напряглись.
На их борьбу раздумчиво смотрела
Безоблачная северная высь.

И наш дополз...

Всю ненависть, всю ярость
Вложил в рывок,

И, может быть, впервой
в удар последний свой,

Припал к земле
узнав усталость,

горячей головой.
Еще не смолкла, помню, канонада,
Когда среди воронок, у ручья,
Лежащего с убитым немцем рядом
Его нашел, его увидел я.

Он жил еще, лиловыми губами
Шепча: «Вперед...»

За мной, не отставай...
Смелей, бойцы...

Товарищ Сталин с нами...
Бей. Не пройдут...

Давай, давай, давай...
Жене скажите...»

Чистой водою
С его лица и кровь и копоть смыл.
Но он затих.

Товарищу-герою
Я бережной рукой
глаза закрыл...

«Да,

эта местность

немцам

вспоминается, —

Гвардейца

чей-то голос перебил. —

Она

«Долиной смерти»

называется.

Там почва жестковата

для могил».

Рассказчик усмькнулся.

«Не такое, —

Сказал он, — я бы ей название дал.

Недаром горсть земли ношу с собою;

Я сам тогда ее в долине взял.

Она в бзях меня сопровождает,

В огне кричит:

«Вернее бей, стрелок!

Каблук немецкий землю убивает, —

Живет земля, где немец мертвым лег».

Когда врагам с надбавкою, с лихвою

Отплатит наша праведная месть,

Я эту горсть земли в саду зарую,

Чтоб розою она могла расцвести.

Пускай цветет, спокойна и красива,

Пьет лепестками неба синеву.

Ее, прямую, стойкую надиво,

Я заполярной розой назову».

На шхуне с полуострова Рыбачьего,
 Старинною дорогою морской
 Мы в Мурманск шли.

Норд-ост, свистя, раскачивал
 Суденышко, пропахшее треской.
 В заливе Кольском серые, серьезные
 Воинственно дымили корабли.
 Над нашей мачтой

с ревом

краснозвездные

На запад

истребители прошли.

Сверкая сталью

русского оружия,

С зениток сняв чехлы,

насторожась,

Встречал нас Мурманск,

рокот моря слушая,

Плечом горы

от ветра

заслонясь...

На высокой волне.

Памяти Героя Советского
Союза Ф. Лузана

1

Голос друга, привета слово, —
Жизнь темна,
Если вы не слышны.
Даже сердце глухонемого
Понимает, что песни нужны.
Не согласно таиться счастье.
То ли дело — к окну подойти,
Распахнуть обе створки настезь
Чтоб душа не была взаперти.
Чтобы дом не стоял одиноко,
Чтобы сад разговаривал с ним,
Чтобы голос
летел
далеко,
Если счастья желаешь другим.

Русский мальчик приемник включает,
 Раскрывая окошко в мир.
 За мембраной струится, тает,
 Океаном гудит эфир.
 Тонкий звон... Поворот рукоятки...
 Начинаются чудеса.
 Донеслись с берегов Камчатки
 Пограничников голоса.
 Пять делений по кругу налево...
 Возникает родник напева,
 Ветер пляски, говор дехкан.
 Солнце.

Шорох песка.

Туркестан.

А в Архангельске сказочник старый
 Ставит в прорубь круги мерёж.
 Золотые летят гагары,
 Улыбается хитрый морж...

Раньше ухом к земле приникали,
 Если пылью дымились дали,
 Чтоб узнать, далеко ли орда, —
 В рысьих шапках лихая беда.
 Предку умному в этом следуй,
 Чутким ухом к пространству прижмись

Далеко ли враги — разведай,
Слушай голос друзей, радист!
Ну, а там, где чужое море,
Где волна с берегами в споре,
Что поют и о чем говорят,
Как баюкают малых ребят?
Из полночных просторов темных,
С чужедального рубежа,
Что оттуда течет в приемник,
До рассвета в антенне жужжа?
Странен уху язык незнакомый.
Но за ним различает радист
Рев экспресса в степях Оклахомы,
Мексиканских ковбоев свист.
Скрипка горестно спорит с джазом,
Чье-то сердце идет на дно...
Не во всем разберешься сразу,
Но радист понимал одно:
Много в мире еще неполадок,
Не для каждого воздух сладок,
Но по-своему хочет любой
Остаться самим собой.
Чтобы не был ему помехой
Рев звериный, набат, погром,
Чтоб, хотя бы как дальнее эхо,
Мог он слышать в углу своем:
Ветер вымпел багряный полощет,
Над звездою журчит синева...

Ночь.

Сияние.

Красная площадь.

«Внимание!

Говорит

Москва!»

4

Однажды подросток, советский школьник,
Услышал в наушниках скрежет и вой,
Как будто в заброшенной старой штольне
Какая-то нечисть кричала совой.
Ее прерывали восторженным ревом,
Солдатским топотом многопудовым,
Музыкой злой, как собачий лай,
Воплями

«гох!»

Взвизгами

«хайль!»

И с этой поры началась свистопляска.
Над городами, над рябью морей
Эфир сотрясался от хрипа и хряска,
От барабанного:

«эйн,

цвей,

дрей!»

Песню ловили, как ловит беглянку
На темной тропинке хулиганье,
Душили ее и, крутя шарманку,
Старались проникнуть в чужое жилье.
В радиорупоре, зубы ощеря,
Волчьей башки рисовался оскал.
Юноша слушал, ушам не веря,
Приемник досадливо выключал.
Эфир заливало коричневой пеной,
И, видя, что буря на самом краю,
Радист-комсомолец спецшколе военной
Отдал на выучку
ярость свою.

5

Леса за лесами,
гора за горою...
Свернул с тропинки,
и след простыл...
Как же окликнуть ночной порою
Разведку, ушедшую немцам в тыл?
Дождем и ветром весь лес просвистан.
Давно уж ребята вернуться должны...
Как их услышать?
Спросите радиста,

Ему одному

их шаги

слышны.

Он может сказать им приветное слово,

Окликнуть в бою, передать приказ.

Хороший боец. Расторопный. Толковый.

Сам в переделках бывал не раз.

6

Шел бой.

Обрубая верхушки елок,

Мчалось железо.

Землянку трясло.

Хлопала дверь,

кружки прыгали с полок.

Радист огляделся.

Уже рассвело...

Противник стремился

во что бы ни стало

Прорваться,

пробиться,

пролезть,

проползти,

Но русское мужество

в землю врастало,

Чтоб вырасти вновь

у врага на пути...

На флангах рычали немецкие танки,
 Бой продолжал клочкотать и дымить,
 Когда связной, заглянув в землянку,
 Крикнул радисту:

«Приказ — отходить...»

Песком завалило окошко.

Сквозь щелку

Гарью тянуло.

И он, торопясь,

Слал позывные:

«Клен!

Слушайте!

Клен!

Говорит елка,

Приказ выполняем.

Держите связь...»

В эфире бурлило, как будто боролись

Небо с землей и вода с огнем.

Но все побеждал человеческий голос

В бесстрашном

волшебном

полете своем.

Летя невидимкой сквозь синюю хвою

Густых занавешенных дымом лесов,

Он был словно вызов свирепому вою

Бегущих к землянке баварских стрелков.

И, слыша, как грохнуло минное поле,

Радист

успел

командиру сказать:

«Товарищ полковник,

я —

комсомолец.

Прошу, если что,

коммунистом

считать...»

8

Он приготовил гранату к бою,

Сердце поставил на взвод боевой...

Немцы вломились в землянку гурьбою,

Скопом, как овцы на водопой.

Унтер орал:

«Ваша песенка спета.

Сдавайся...»

Но тут же,

Лицо искривив,

Бросился к выходу...

Вместо ответа —

граната под ноги,

Вспышка света...

Передача окончена.

Точка.

Взрыв!

Радист Лузан!

Я, может быть, не точно,
 Не все, как надо, рассказал о вас.
 Вся ваша жизнь радиogramмой срочной
 Летит, опережая мой рассказ.
 Строка стиха — лишь отзвук эха слабый,
 Кругами расходящейся молвы,
 Но я хотел, чтоб искоркой хотя бы
 Зажглось в ней

то,

чем дорожили вы,
 То самое, что красит человека.
 Настраивая
 лучшую струну.

«На страх врагам.

Отныне и до века...» —

Как говорили

деды

в старину.

1943

Север

Ты цветами не богат,
Моря пасмурного брат.
Крупной солью валуны
На земле твоей лежат.
С незапамятных времен
Посолён и просмолён,
А ресницы у тебя —
Золотой кукушкин лён.
Сколько здесь веков прошло —
Знает берега чело,
Где над рыбьей чешуей —
Чайки серое крыло,
Облаками стали льды,
Горы вышли из воды.
С той поры в твоих лесах
Наших праотцов следы,
Наших прадедов славян —
Новгородцев, псковитян,
Словно в степь, с камней твоих
Уходивших в океан
Стариной своей хором,

Ты на старца не похож;
Карусельной пестроты
Зори яростные жжешь.
Их нельзя нарисовать —
Нужно шелком вышивать;
Петушиный гребешок
Красоте твоей подстать.
Петушиный гребешок,
Из рябины посошок,
На холщевом рушнике
Черный трефовый цветок.
Я такие рушники
Видел в избах у реки,
Где на крышах, на плетнях
Сушат снасти рыбаки.
Там, неведомо когда,
С небом смешана вода
И блестит по вечерам
Солнца жаркая слюда.
Там береза под окном
Ставит мелкий лист ребром,
Елки шустрые бегут
Вдоль по улице гуськом.
Мне рассказывал снегирь,
Что твою лесную ширь
Очертил копьем своим
Старый русский богатырь.
Есть на севере скала,

А у той скалы skulls,
Окунаясь в океан,
Мхом косматым обросла.
А глаза у той скалы
По-совиному круглы,
Далеко они глядят
Из седой полярной мглы.
Если близко подойдешь —
Побежит по коже дрожь,
Глянет око, грянет гром —
И костей не соберешь.
То не притча и не сон
Для немецких вдов и жен,
Пусть ночей они не спят,
Помня севера закон:
«Если к нашему двору
Ты пришел не по добру, —
Будешь бит. Умрешь, сгниешь,
Станешь пылью на ветру...»

1913

Г. Мокину

Уходит море за́ небо,
Уходит небо за́ море,
И с каждым утром заново,
И ночью то же самое.

Приливами, отливами,
То вспыхнет, то погасится,
Где будем мы счастливыми,
Где горе ляжет на́ сердце.

Но песню надо складывать,
Забыв про эти правила,
Она должна обрадовать,
Где жизнь грустить заставила.

Ей чуждо расписание,
И что ни день, то заново
Она летит сиянием
И за́ море и за́ небо.

1916

Город в степи

(Четыре стихотворения)

1

Сказка — это север хвойный,
Моря рокот беспокойный,
С жемчугами решето...
Ну, а песня — это что?

Песня — это степь полынная,
Над рекой луна былинная,
Золотые стремяна,
Боевые времена.

Кто в степи не побывал, —
Тот не пел, а напевал.
... Эх ты, степь, ты, степь широкая,
Отчий край, река Урал...

2

Здесь рыскали дозоры Чингисхана,
Бедой прошла Батыева орда.

Здесь не туман веков, а мгла бурана, —
И сколько в ней исчезло без следа...

Но здесь, среди степного океана,
Россия воздвигала города,
Над ними путеводная звезда
Видна с границ Китая и Ирана.

Скрипит арба. Верблюд идет вельможно/
Об Азии бубенчики бренчат.
Их слушая, о многом вспомнить можно.

Историю не повернешь назад.
Она сурово обходилась с нами,
Но мы теперь ее диктуем сами.

3

Степная осень никогда не плачет,
Не каркает вороной на суку,
На полчаса за тучу солнце спрячет
И вновь глядит вдогонку казаку.

Казак в пути. Казак к Берлину скачет
И всех чертей пластает на скаку.
Флажком на карге маршал обозначит,
Где снова в ножны лечь его клинку.

В чужом краю расскажет на привале
Казак друзьям о батюшке Урале,
Что, как клинок, в родных степях блеснит.

Там беляши пекут для встречи сына,
С холма за горизонт глядит калина
И пламенной листвою шелестит...

Чем хорош этот город в степи,
Что для глаз и для сердца в нем ново?
Здесь окрестность — куда ни ступи —
Вспоминает шаги Пугачева.
Золотистым тюльпаном степным
Здесь апрель расцветает и дышит,
Май шумит сарафаном цветным,
Весь сиренью и ландышем вышит.
Но не в этом твой облик и стать,
Славный город. И песни начало —
Где глядит на ковыльную гладь
С пьедестала гранитного Чкалов.
Он любил горизонт голубой,
Наши русские выси и дали, —
В похвалу тебе, город степной,
Имя гордого летчика дали.
В похвалу, как степному орлу,
Как жнецу, как бойцу по заслугам, —

Ты в далеком, глубоком тылу
Стал для фронта испытанным другом.
Я и сам на тебя оглянусь,
Сжав оружие в руках перед боем,
Чтобы в сердце дохнула мне Русь,
Наше древнее небо степное.

1944

Око за око

Взрывной волной расшибло голубятню,
И голуби металсь в тучах пыли,
В дыму, достигшем кромки облаков.
Владелец голубей — хромой подросток
Лежал в канаве, кровью оплывая,
А рядом на траве сидела смерть.
Совхоз горел. Из выбитых окошек,
Как из паяльных ламп, хлестало пламя.
По улицам гулял горячий ветер,
Стручки акаций корчились от зноя,
Но было тихо. Жители ушли.
Вращая орудийной башней, черный
Немецкий танк с драконом на боку
Промчался вдоль поселка, сшиб амбар,
Попятился, едва не наскочив
На невзорвавшуюся бомбу. Круто
Взял в сторону, пошел по огородам
И, вылетев с разгону на проселок,
Остановился.

Рыжий, как огонь,
Из люка вылез немец. Вытер пот,

Зажег нетерпеливо сигарету
И осмотрел внимательно окрестность.
Вблизи дороги дерево белело,
На нем сидела маленькая птичка,
В некошеной траве синел цветок.
Достав походный справочник из сумки,
Немецкий офицер прочел названья:
«Береза», «коноплянка», «василек».
«Так вот она, Россия. Сказка. Остланд.
Степная колоссальная страна...»
Тут обер-лейтенант швырнул окурок,
Трофейный василек сорвал на память,
Влез снова в люк, захлопнул с лязгом крышки.
И танк пошел к востоку.

Вот страница
Из дневника танкиста Франца Пфаффа,
Которому солдаты дали кличку
«Гер примус» за его предельно рыжий
Цвет шевелюры и горячий нрав:
«Забавный случай: мы играли в куклы,
Повесили десяток партизан
И через час, веревки перерезав,
В кружок их посадили на лужайке,
Цветы вложили в руки, прилепили
К губам окурки... Я послал жене
Шикарный снимок: «Отдых поселян».
Три года немец вел дневник. Любая
Его строка — начало страшной сказки.

Могильными червями копошатся
Слова и буквы. Будущий историк
Поймет, похолодев, что если бросить
Тетрадь в огонь — огонь ее не тронет,
Земля не примет, море не поглотит.
Она принадлежит суду веков,
Где нет для подсудимого защиты...
Тетрадь насквозь пробита русской пулей.
Отверстие находится в конце
Последней строчки: «В первый день войны
Мы здесь с тобой прощались, Дейчланд...»
Смерть

Оборвала писанья Франца Пфаффа,
Поставив точку.

Было это так:

По улицам литовского местечка,
Отстреливаясь, поднимая пыль,
Бежали немцы, торопясь пробиться
К реке, где за листвою виднеся берег
Восточной Пруссии.

Один из них успел
Скатиться вниз с песчаного обрыва
И прыгнуть в лодку. Здесь-то и взглянула
Зрачком стального дула на него
Всевидящая гневная Россия.

Бойца за меткий выстрел похвалив,
С крутого берега к реке спустился

Советский офицер.

Франц Пфафф лежал ничком
Веснушчатые кисти рук танкиста
Свисали с борта лодки. Струйка крови
Текла из рукава, и стадо рыбок
Сновало в помутившейся воде...
Но лейтенант Касаткин лишь скользнул
По мертвому германцу взглядом. Зорко
Он осмотрел другой заречный берег.
Там медленно садилось солнце. Туча
Над аккуратным стриженным лесочком
Чудовищем чугунным громоздилась,
Как будто отползал в берлогу зверь,
Кровоточа и злобно скаля зубы.
А на крутом литовском берегу
Артиллеристы с хода развернули
Две батареи. Жерла пушек грозно
Уставились в заречное пространство,
Где за холмом Германия таилась.
И лейтенант скомандовал: «Огонь!»

1944

Накануне

Окно

Когда я думаю о счастье,
В моих глазах встает одно —
Распахнутое ветром настезь
Прямоугольное окно.

Над ним летят и гаснут зори,
Листва с карниза льется вниз,
А снизу ветреное море
Швыряет брызги на карниз.

И по ночам в его квадрате,
Вися меж небом и водой,
Сторожевой военный катер
Горит зеленою звездой.

Памяти А. Грина

Сказки пишут для храбрых.
Зачем равнодушному сказка?
Что чудес не бывает,
Он знает со школьной скамьи.
Для него хороша
Незаметная
Серая краска,
Он уверен:
Невзрачны на вид соловьи.

Соловьи золотые,
Их видело детство такими.
Можно путь разыскать
В заповедник ночной синевы,
Где червонная птица,
С глазами, как луны,
Большими,
Наполняет сияньем
Пещеры ветвей и листвы

Босоножка-любовь
Нам дарила

Ромашки и звезды,
Уходила в моря,
На волне оставляя следы...
По желанью ее
Корабли
Поднимались на воздух,
Вплавь бросалась гора
И в снегах
Расцветали сады.

Сказка честной была,
Не таилась,
В глазах не двоилась,
Солнцем в окна лилась,
Зажигала зари полукруг...
Ей хотелось,
Чтоб память не слепа,
Чтоб юность опять повторилась,
Чтобы краткими стали
Железные версты разлук.

Кто ее сочинил?
Ветер,
Счастье,
Прибой у причала,
Неумолчное сердце,
Что яростно билось в груди...

Мы продолжим рассказ.
Нам романтика снова сказала:
«Это присказка только,
А сказка еще впереди».

Грибы

Случалось ли вам собирать грибы
В лесах, где тропинки протоптаны лешим,
Где кони тумана встают на дыбы
В проемах полян и зеленых проплешин?
Известно ли вам, как старик подосиновик
В траву загоняет свою детвору,
Как в желтых платочках и ярко-малиновых
Ведут хоровод сыроежки в бору?
Видали ли вы, как под хвойною крышей
Гуляет в сапожках сафьяновых рыжик
И гриб боровик входит в сумрак глубокий,
За юбки молоденьких елок держась?
Ложилась ли вам на горячие щеки
Лесных паутинок прохладная вязь?
А если вам это знакомо и дорого,
То, значит, вы знаете, как хороши
Внезапные встречи средь хвойного шороха
В местах, где, казалось бы, нет ни души.
Две фразы, расспросы о ближней дороге.
Два взгляда. И сказку на крыльях несут
О женщине, встреченной вами в лесу,
Мелькнувшие в хвое и листьях сороки...

Сказка

Ты наденешь рукавицы,
Дверь отворишь, выйдешь в сени.
Тонко скрипнут половицы,
Улетят с крыльца синицы
В оснеженные сирени.

Хлынет в ноздри воздух синий,
На ресницы ляжет иней,
Лыжи под гору скользнут...
Мост, как кошка, спину выгнет,
Щелкнет дятел, белка прыгнет,
Зайцы в ельнике мелькнут.

И она начнется — сказка,
Детских лет воспоминанье:
Гул в лесу, снежинок пляска,
Хвойных веток колыханье.

Вспыхнет солнечное пламя,
Обожжет морозом щеку,
Лось лиловыми глазами
На тебя посмотрит сбоку,

Пень в медведя превратится,
Выставит мохнатый лоб.
Разноцветная жар-птица
Сядет тихо на сугроб.

Ты узнаешь Берендея
По седым его усам
Там, где сосны, розовея,
Тянут лапы к небесам.

Ты сама пройдешь поляной,
Золотая, напоказ
И снегурочкой румяной
Пропадешь из наших глаз.

Ты увидишь дом с бровями,
Крытый белыми песцами,
Красноглазую сову
И лисицу на яву.

А когда звездой колючей
Глянет вечер из-за тучи
И зеленый из берлоги
Месяц выплывет тайком...

Потекут назад дороги,
Сладко кровь ударит в ноги,
И, встряхнувшись на пороге,
Ты войдешь в знакомый дом.

Снимешь шарф и рукавицы,
Сядешь, жаркая, за стол,
Сон дохнет в твои ресницы,
Тонко скрипнут половицы,
И тебе впервой приснится
День, который в лес ушел.

Река

Из края в край пересекая лето,
Бежит река.
Серебряным ракитником одеты
Ее бока.
Она бежит, сверкая синью плеса,
Где рыщет язь.
Цветы лугов — подарки сенокоса —
Плывут, кружась.

Плывут и тают запахом медвяным
Цветы земли,
А в глубине, сквозь пером багряным,
Спят головы.
За перекатами, где лещ раскосый
Воронки вьет,
Перебирая водорослей косы,
Река поет.

Ей нужен гребень, прялка расписная,
Веретено.
Ей тишина наскучила лесная
Давным-давно.

Ей грустно петь, скрываясь за осокой,
Среди полей,
И мы даем беглянке синеокой
Что нужно ей:
Кудель стремнин, веретено турбины,
Огней сады,
Высокий гребень каменной плотины,
Полет воды.

Радуга

Прямо скажу: я не знаю, откуда,
С какой стороны и каким путем
Приходит к нам в жизнь золотое чудо,
То, что мы с вами любовью зовем.

Напоминающая примета —
Сигнал, что ненастье ушло, дымя, —
Как возникает сияние это —
Радуга между сердцами двумя?

Если б сейчас с моего причала
Уплывшую юность окликнул я,
Она бы, наверно, отвечала:
«Любовь — это я. Это память твоя.

Разве забыл ты, как мчались дороги,
Медлили ночи, встречая зарю...
Вспомни о девочке-недотроге...»
Но я не об этой любви говорю...

Я знаю, как молодость к выдумке тянется,
К мерцанию пылинки, мелькнувшей в лучах,
И верит, что счастье в кружении танца
На золоченых летит каблучках.

Я знаю, как время разлукою дразнит,
Даря только будни календарю,
Как длится свиданья обещанный праздник,
Но я не об этой любви говорю...

Есть чувство, которое с первой минуты
Все зримое красит в свои цвета.
Ему незнакомы душевные смуты,
Внезапна, как выстрел, его прямота.

Без сердцевины судьба останется,
Будет пустяшным любой успех,
Если подругой не станет избранница —
Та, что милей и дороже всех.

И ты увидишь свой день грядущий,
Позабывая вчерашний день.
Станут кустарником райские кущи,
Если их тронет размолвки тень.

Верность наполнит вином стаканы,
Нежность и мужество выпьют «на ты».
Ревности тучи, измен туманы
Светлой росой упадут на цветы.

И, подтверждая двух жизней единство,
Родины облик являя собой,
Солнце под кровлю виссет материнство,
И ты пойдешь
 за него
 на бой!

Дозор

Высота две тысячи метров.
Утро.

Уже облака начинают сиять,
Но в их лабиринтах, светлеющих смутно,
Колышется сизая кисея.
Она бахромой опускается книзу,
Взмывает на гребне незримых валов
И вьется, скользя по лепному карнизу
Воздушных замков и островов.
Ее настигают винты самолета,
Секут, отбрасывая назад;
И кажется зорким глазам пилота,
Что возле кабины вулканы дымят.
Но вот розовеют, мельчают, редуют,
Расходятся в стороны облака;
Всё ярче пылают, всё пламенней рдеют
В безветрии утреннем их бока.
Расходятся дальние дали кругами,
Платочками машут собрания хат.
Иль, может быть, это, стелясь над лугами,

Гусей косяки к водопою летят?
Венчая дороги, седлая реки,
С холмов на равнины идут города;
Раскрыв широко камышевые веки,
Озерная в небо глядится вода.
Стекло-невидимка звезду зажигает.
Там грозных заводов дымят корпуса.
О, сердце пилота, тебя настигает
Страны молодой молодая краса.
Ты помнишь, что где-то внизу, за холмом,
Остался родительский дом.
Великое счастье — в полете своем
Его осенить крылом.
Ты знаешь: знакомому дому родня
Все эти поселки, станицы, селенья...
Видеть и слышать начало их дня
Тебе помогает воображенье.
Вот — сад.
С полотенцем в руках паренек
Идет босиком к роднику по тропинке.
Росистый малинник касается щек,
К ногам прилипают травинки.
Он руку к глазам приложил козырьком,
Встречая явление дня голубого.
Прошел самолет (половина седьмого).
Пора расставаться с дремотным теплом.
Как молодо солнце!

Грянь заступом в камень —

Из камня поднимется синий цветок.
Здороваясь с ветром, гремя каблуками,
Вдоль улиц Донбасса идет паренек.
О, крепкие

юношеские

руки.

Берущие смело

рычаг скоростей,

Глаза,

не подвластные

злобе и скуке, —

Надежда и слава

отчизны моей!

Одна из причин

Школьником
Я обижал девчонок:
Мазал чернилами
Им носы,
Перышки крал
Из пеналов точеных,
Лентой обвязанных
Для красы,
Ставил подножки
На узкой дорожке,
В парту подбрасывал
Дохлых ворон,
Дрался крапивой,
Кропил волдырями
Пальчики
С розовыми ногтями
И убежавшим
Кричал вдогон:
— «Ябеда!

Плакса!

Жалуйся маме!».

И мама учила:
«Не лезь к мальчишкам,
Сама вьновата.
Играй одна.
А то я смотрю —
Стала резвая
Слишком.
Куда они —
Туда и она!»
Меня стыдили:
«Справился,
Сладил!
Тоже, нашел себе пару —
Дядя!
Маленький —
Скоро женить пора», —
И гнали на улицу
Со двора.

Каждому, дескать,
Своя забава:
Ей — сад,
А тебе — ветерок с полей,
Березы окраин,
Друзей орава.
«Айда, ребята,
Гонять голубей!»
Уже начиналась

Пора томленья,
Блужданья
Среди луговых цветов,
Пора озноба,
Сердцебиенья,
Тревожных бессонниц
И стыдных снов.
Но я не решался
Итти на уступки,
И если не дрался,
То в стороне
Старался держаться
От каждой юбки,
И одиночество нравилось мне.

Я шлялся в лесу,
И казалось — где-то,
В полотнищах света,
В листве дубов,
Девушка-птица
С другой планеты
Ждет не дождется
Моих шагов.

И нас познакомили.
По веснушкам,
Крылатым бровям
И волос завитушкам

Я, присмотревшись,
Узнал ее,
Еще не мою,
Но уже не чужую,
Еще не известную,
Но такую,
Что сразу пришло
Возмужанье мое.
В дождик и снег, —
При любой погоде
Стоишь, карауля
Шаги у ворот.
Последний трамвай
С остановки уходит,
А Машенька
Всё еще
Не идет.

На милость сдавалась
Мужская сила,
Круги золотые
Вертелись в глазах,
Когда под чужое окно
Приводила
Душная ревность
Меня
Впотьмах.

За девушкой нужен
Глаз да глаз!

Я это к тому говорю,
Дорогая,
Что вот мы в обнимку
Стоим у окна
И улыбаемся, вспоминая
Эти далекие
Времена.

Давай же условимся:
Если наша
Дочка придет к тебе
С носом в крови,
То ты ей скажи:
«Заживет, Наташа,
Вернись к ребятам
И не реви».

Колыбельная

Спи, малыш. Все дети спят,
И давно им снится,
Что влезла осень в сад —
Рыжая лисица.

Снится им закатный свет
Вечер бирюзовый
И — гусиной лапы след —
Красный лист кленовый.

Вот медведь-зима идет,
Что ни день, то ближе,
И ребятам снятся лед,
Снег, коньки и лыжи.

Школа, синяя тетрадь,
Книжные страницы, —
Все, что хочется узнать, —
Это тоже снится.

Запоет скворцом весна,
И тогда приснятся
Ветра теплая волна,
Шорохи акаций.

И вослед за этим сном
В пионерский лагерь
Выйдет лето босиком
И развесит флаги.

Будет таять дым костров
Ночью в небе звездном...
Много есть хороших снов:
Спи, а то уж поздно.

Веселая голова

Жил на свете чернобровый,
Статный парень молодой.
Каждый вечер с песней новой
Возвращался он домой.

А когда он песню пел,
Самый старый молодец,
Буйный ветер затихал,
Сад зимою расцветал.

Да ударил гром из тучи
Над веселой головой,
Обожгло песок горячей
Материнскою слезой.

А когда заплачет мать,
Саду вновь не расцветать,
По весне не зеленеть,
За окошком не шуметь.

Прямо в лоб поцеловала
Злая пуля молодца.
Тень дремучая упала,
Солнце схлынуло с лица.

А когда упала тень,
Ночь сменила ясный день,
Потемнели облака,
Конь заржал без седока.

Только песня все звенела
И замолкнуть не могла.
В дальний край она летела,
По-над степью к нам плыла.

Что ж, спрем ее, друзья,
Силе вражеской гроя,
Чтобы зоркие глаза
Не туманила слеза.

Песенка

Вот крыльцо и лесенка,
Тополь и скамья, —
Здесь сложилась песенка
Первая моя.

Первая — любимая,
Здесь она жила
И, неповторимая,
Странствовать ушла.

Много троп исхожено
Ровных и крутых,
Много песен сложено
Звонких и глухих.

Только лучше песенки
Спеть я не сумел,
Что тебе на лесенке
Я когда-то пел.

В дальнем конском топоте,
В дымке полевой,
В свежем хвойном шопоте
Эхо песни той.

И крыльцо над лесенкой,
Тополь и скамья
Сами стали песенкой,
Что придумал я.

Содержание

Присказка	3
Апрель	5
Одна любовь	8

Под ночным солнцем

Оглядка	13
Счастье	14
Северный бастион	16
На высокой волне	22
Север	31
Уходит море за небо	34
Город в степи	35
Око за око	39

Накануне

Окно	43
Памяти А. Грина	45
Грибы	47
Сказка	48
Река	51
Радуга	53

Дозор	56
Одна из причин	59
Колыбельная	65
Веселая голова	67
Песенка	69

Ответственный редактор *Мил. Зенкевич*. Художник *М. Виколаевцев*. Техн. редактор *А. Курнарская*.

Подписано к печати 28/X—1945 г. М 04129. Ш. л. 2,75. Уч.-изд. л. 3,05. Тираж 10 000. Цена 3 р.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфкнига» ОГПЗ при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

3 p.

W W

